

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1978—1979 гг.

С 13 по 16 мая 1980 г. в Уфе проходила сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг., посвященная 110-летию со дня рождения В. И. Ленина. Выбор столицы Башкирской АССР для проведения сессии не случаен. Башкирия с ее многонациональным населением, одной из первых получившая автономию, может служить яркой иллюстрацией торжества ленинской национальной политики. За годы Советской власти она из экономически отсталого района царской России превратилась в высоко развитую индустриальную республику, в которой за последние десятилетия достигнуты большие успехи в развитии культуры и науки, в частности этнографии и смежных дисциплин.

Сессия была организована Отделением истории АН СССР, Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Башкирским филиалом АН СССР и Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Поскольку одной из основных задач Всесоюзных сессий по итогам полевых этнографических и антропологических исследований является координация работы этнографов и антропологов в масштабах всей страны, в Уфу приехали представители всех союзных и 14 автономных республик, а также 4 автономных округов — всего свыше 150 человек. Многогранность проблематики советской этнографической науки, необходимость привлечения для разработки основных ее проблем данных смежных дисциплин, обусловили участие в работе сессии, наряду с этнографами и антропологами, специалистов разного профиля — историков, демографов, культурологов, социологов и этносоциологов, лингвистов и этнолингвистов, религиоведов, фольклористов (словесников и музыковедов), этнохореографов, искусствоведов. Среди них были сотрудники институтов Академии наук СССР и ее филиалов, академий наук союзных республик и различных научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, научные сотрудники этнографических музеев. В работе сессии участвовали также представители Башкирского обкома КПСС.

На четырех пленарных заседаниях сессии было заслушано 12 докладов, на 21 заседании шести секций — 134 доклада¹.

Открывая сессию, директор Института этнографии академик Ю. В. Бромлей (Москва) подчеркнул, что проведение сессии в Уфе — свидетельство высокого уровня развития науки в республике.

Выступивший затем председатель Президиума Башкирского филиала АН СССР чл.-корр. С. Р. Рафиков (Уфа) рассказал о достижениях ученых филиала и пожелал собравшимся успешной работы.

Участников сессии приветствовали также тепло встреченные ими юные краеведы-этнографы школы-интерната № 1 Уфы.

В первый день состоялись два объединенных заседания Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. и Научного совета по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР, посвященные 110-летию со дня рождения В. И. Ленина. На них были вынесены пять докладов по различным аспектам исследования национальных проблем.

Первым был заслушан доклад Ю. В. Бромлея «Национальные процессы в современном мире в свете ленинского наследия». Отметив сложность и многообразие национальной структуры населения земного шара в настоящее время, а также преобладание в мире многонациональных государств, докладчик обратился к анализу главных тенденций и закономерностей развития национальных процессов в капиталистических и развивающихся странах в свете ленинского учения о двух тенденциях в национальном процессе, одна из которых имеет интегрирующий, другая — дифференци-

¹ См. «Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. Тезисы докладов». Уфа, 1980.

рующий характер. Поскольку ныне в капиталистических странах доминирует первая тенденция, в докладе особое внимание было уделено рассмотрению различных видов объединительных этнических процессов — консолидации, ассимиляции и межнациональной интеграции. Преобладание того или иного типа национальных процессов, — подчеркивалось в докладе, — во многом зависит от национальной структуры государства и от уровня его экономического развития. Так, в государствах односторонних обычно преобладают процессы национальной консолидации, нередко сопровождающиеся процессами ассимиляции. В многонациональных государствах наряду с консолидацией и ассимиляцией в той или иной мере идут процессы межнациональной интеграции. Указывая на отсутствие в современной науке единой терминологии для обозначения общности, возникающих в процессе межэтнической интеграции, Ю. В. Бромлей предложил использовать термины «макрэтническая» или «метаэтническая» общность, считая их более точными, чем введенные ранее С. И. Бруком и Н. Н. Чебоксаровым термины «национально-политическая» или «этнополитическая» общность.

Обратившись к рассмотрению процессов межэтнической дифференциации в государствах капиталистического мира, докладчик отметил, что они развертываются не только в «межгосударственном» плане, но и внутри отдельных государств и нередко сопровождаются резким обострением национальных противоречий. В основе этих противоречий лежит комплекс социально-экономических, политических и идеологических факторов. Кратко охарактеризовав их, Ю. В. Бромлей в заключение сказал: «Марксистам совершенно очевидно, что полностью национальный вопрос может быть решен лишь с ликвидацией антагонистических классов, являющейся кардинальной предпосылкой уничтожения всех видов угнетения и неравенства, в том числе и в сфере национальных отношений».

Доклад С. И. Брука (Москва) был посвящен анализу этнодемографических процессов в СССР (по материалам послевоенных переписей населения). Характеризуя используемые источники, докладчик отметил, что переписи населения в СССР проводятся по более широким программам, чем в большинстве стран мира. Учитывая нужды национального и культурного развития народов нашей страны, в программу переписей включены вопросы о национальности, родном языке и другом языке народов СССР, которым свободно владеет опрашиваемый (последний вопрос — с 1970 г.). Это, — подчеркнул докладчик, — дает возможность использовать материалы переписей в качестве одного из источников изучения этнических процессов. В докладе наряду с такими традиционными для демографов вопросами, как темпы роста населения, средний размер семьи, соотношение численности мужчин и женщин, городского и сельского населения, а также коренного и пришлого рассматривались и отдельные стороны современных этнических процессов, в том числе использование русского языка в качестве языка межнационального общения.

Завершилось первое заседание докладом Э. А. Баграмова и Ж. Г. Голотвина (Москва) — «Национальный вопрос в современной идеологической борьбе», в котором была предпринята попытка вскрыть природу национализма как идеологического течения и показана научная несостоятельность взглядов на национализм идеальных противников социализма, стремящихся изобразить национальный фактор в общественном развитии как абсолютное усиление роли и значимости национализма и делающих на него ставку в своей борьбе против социализма. Авторы доклада особое внимание уделили рассмотрению опыта нашей партии по борьбе с национализмом в различных его формах. Опыт нашей, а также других марксистско-ленинских партий, — отмечали они, — показывает, что преодолеть национализм можно, лишь покончив с эксплуататорскими классами — главными носителями националистической идеологии, осуществляя интернационалистское воспитание трудящихся, т. е. лишь сплотив все нации и народности. Это сплочение в странах социализма осуществляется на основе интернационализма. Социалистический интернационализм, — подчеркивалось в докладе, — является логическим продолжением, развитием пролетарского интернационализма; нормы и принципы его — это нормы и принципы пролетарского интернационализма, возведенные на уровень межгосударственных отношений стран социализма.

На втором пленарном заседании были заслушаны два доклада.

Ю. В. Арутюнян (Москва) рассказал об этносоциологическом исследовании наций в СССР, активно развивающемся в последнее десятилетие. Как отметил докладчик, этносоциологические исследования одновременно начали вести специалисты в отдельных республиках и в общесоюзных научных центрах. Ведутся они в двух аспектах — этносоциальном («этническое в социальном») и социально-этническом («социальное в этническом»). Большой конкретный материал, собранный в разных регионах Советского Союза, свидетельствует о том, что при общей тенденции к интернационализации культуры существуют разные конкретные варианты этого процесса в этнических и социальных средах. Эти различия, — считает докладчик, — связаны как с определенными историческими посылками и конкретной ситуацией (например, интенсивностью межнациональных контактов в локальных зонах), так и с разной степенью необходимости приобщения к тем или иным элементам национальной культуры. При развитии фонда своей культуры, нации в большей мере могут «питаться» собственными источниками. Обе тенденции интернационализма, — подчеркнул Ю. В. Арутюнян, — приобщение к инонациональной культуре и расширение собственного фонда, имеющего интегрированное выражение, сочетаются и взаимно дополняют друг друга.

Коллективный доклад Р. Г. Кузеева, Т. М. Гарипова, В. А. Иванова и Н. Н. Моисеевой (Уфа) — «Волго-Уральская историко-этнографическая область (история формирования и современное функционирование)» проиллюстрировала плодотворность кооперации представителей смежных дисциплин при разработке сложных теоретических проблем современной этнографической науки. Участие в подготовке доклада этнографа, лингвиста, археолога и культуролога дало возможность наметить основные этапы формирования Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО). Отметив, что изучаемая ИЭО «результат сложного взаимодействия разновременных этнических и культурных потоков различного происхождения, в том числе принадлежащих Средней Азии и Казахстану, Северному Кавказу и другим ИЭО», авторы выделили несколько таких этапов. 1 — Складывание Волго-Уральской финно-угорской неолитической общности (приблизительно III — начало II тыс. до н. э.). 2 — Взаимодействия финно-угорских племен с индоевропейскими (ираноязычными) племенами степей (II—I тыс. до н. э.), в результате которых формируются и развиваются производящие формы хозяйства и некоторые сходные черты культуры. 3 — Взаимодействие финно-угорского населения с раннетюркской миграцией (I тыс. н. э. — начало XIII в.); превращение Среднего Поволжья в ядро формирования Волго-Уральской ИЭО. На этом этапе происходит активная интеграция в рамках ИЭО различных хозяйственно-культурных типов и определяется тенденция к преобладанию ХКТ пашенного земледелия и соответствующих культурных характеристик. 4 — Взаимодействия совокупности финно-угорского и раннетюркского населения Поволжья и Приуралья с позднетюркской (кыпчакской) миграцией (XIII—XVI вв.); консолидация современных этносов ИЭО; складывание ее основных границ, культурных и языковых характеристик. 5 — Широкая миграция восточнославянского (русского) населения на территорию ИЭО (XV—XIX вв.); активные передвижения местного населения и как результат — нарушение компактности в расселении многих этносов, активизация межэтнических контактов и формирование мощного слоя культуры под влиянием русского крестьянского населения. 6 — Национально-государственное строительство в ИЭО после Великой Октябрьской социалистической революции, когда происходит подъем национальных культур и сближение их с общесоветскими формами культуры.

Следует заметить, что в докладе обращалось внимание на отсутствие в ИЭО строгой корреляции культурных и языковых границ с этническими.

На третьем пленарном заседании были заслушаны четыре доклада по различным актуальным проблемам советской этнографической науки. Открылось оно докладом Ю. В. Бромлея «Иерархия историко-культурных общностей (историко-стадиальный аспект)». Значительное место в нем заняли вопросы типологии и классификации этнических и историко-этнографических общностей — двух основных видов историко-культурных общностей. В этнических общностях — устойчивых образованиях, обладающих не только общностью культуры, но и осознанием единства, как и в историко-этнографических общностях (традиционно-культурные ареалы), в отличие от первых не имеющих сколько-нибудь четкого национального самосознания, Ю. В. Бромлей выделил три таксономически разных уровня. В первом случае — это основные этнические подразделения, метаэтнические общности и субэтноты. Во втором — этнографическая группа, историко-этнографическая область и историко-этнографическая провинция. «В каждый данный момент, — подчеркивалось в докладе, — взаимопересечение огромного числа этих общностей самого различного вида образует сложную сеть, представляющую как бы пространственное строение культуры всего человечества. Несмотря на свою устойчивость, эта сеть постоянно находится в состоянии изменений, которые нередко сопровождаются трансформацией одного вида общности в другой». Рассмотрение различных типов таких изменений на протяжении всей этнической истории человечества — с древнейших времен до наших дней — и находилось в центре внимания докладчика. На большом фактическом материале ему удалось показать, как за счет преобразования в основные этнические подразделения метаэтнических образований, с одной стороны, и превращения историко-этнографических общностей в этнические, с другой, постепенно укрупняются масштабы этнических общностей.

Коллективный доклад С. И. Вайнштейна, А. А. Зубова, Ю. В. Ивановой, Л. Н. Терентьевой (Москва) был посвящен итогам и перспективам полевых этнографических, этносоциологических и антропологических исследований. Из полевых работ фольклористов в сферу внимания авторов доклада попали только те, которые велись совместно с этнографами либо касались изучения обрядов. В докладе была предпринята попытка дать аналитический обзор полевых исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР и соответствующими подразделениями научных центров и филиалов АН СССР в 1978—1979 гг. Значительное внимание в нем было уделено вопросам методики сбора полевого этнографического материала, особенно актуальным при изучении современности, требующем научнообоснованной выборки. Авторы доклада считают необходимым создать межведомственную комиссию по методике собирательской работы, а затем, когда будет обобщен весь имеющийся материал и разработаны соответствующие рекомендации, провести школу-семинар по методике полевых этнографических исследований.

С. Д. Зубков (Киев) познакомил участников сессии с опытом подготовки экспозиции «Современное социалистическое село» в Музее народной архитектуры и быта Украинской ССР (Киев), первой экспозиции по современности в практике музеев под

открытым небом. Для этого раздела музея,— подчеркнул докладчик,— была отведена компактная территория, на которой были возведены несколько десятков объектов. При этом часть областей представлена полными усадьбами, остальные — только жилыми постройками. Прототипы тех и других отбирались во всех 25 областях УССР представителями местных отделений Украинского общества охраны памятников истории и культуры и специальными экспедициями Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского АН УССР. Наиболее типичные объекты, как отмечалось в докладе, определялись после неоднократного апробирования научно-методическим советом музея. Одновременно разрабатывался и интерьер помещений. Представленные в экспозиции характерные образцы сельского строительства 60—70-х гг. позволили не только продемонстрировать локальные особенности каждого региона и области, но и раскрыть общие черты народной культуры, складывающейся в современных условиях. Говоря о целесообразности и плодотворности создания в музеях под открытым небом разделов, посвященных современности, С. Д. Зубков акцентировал внимание на том, что этот раздел, завершающий экскурсионный маршрут по музею, дает возможность «особенно ярко увидеть и сопоставить прошлое с настоящим, наглядно убедиться в грандиозности социалистических свершений, осуществленных в стране».

В связи с ростом влияния городов и городской культуры на все области народной жизни становится необходимым этнографическое изучение городов, без которого в настоящее время всеобщей урбанизации уже нельзя представить культуру народа в целом. Основные проблемы этого нового направления в советской этнографической науке, активно развивающегося в последнее десятилетие, рассматривались в докладе М. Г. Рабиновича и М. Н. Шмелевой (Москва). Предметом изучения этнографов, по мнению авторов доклада, является в основном внепроизводственная сфера — бытовые аспекты городского образа жизни. При этом исследование современного города должно опираться на изучение города всех предшествующих исторических формаций, а каждое явление городской жизни в прошлом и настоящем следует рассматривать в сравнении с аналогичными явлениями сельской жизни, ибо теперь, как и в далеком прошлом, культура народов складывается в тесном взаимодействии сельского и городского населения. В докладе были охарактеризованы также основная тематика, источниковедческая база и методика этнографического исследования города. Доклад М. Г. Рабиновича и М. Н. Шмелевой явился своего рода вступлением к разработанной ими «Программе этнографического изучения города», обсуждение которой состоялось на совместном заседании двух секций — «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР» и «Семейный и общественный быт».

На четвертом, последнем пленарном заседании были заслушаны три доклада также различной проблематики.

Ю. В. Кнорозов (Ленинград) рассказал о первых результатах дешифровки протоиндийской письменности, ведущейся под его руководством в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР.

В докладе А. И. Робакидзе (Тбилиси) «О содержании термина „этнографическая группа“», прочитанном Г. Н. Джавахишвили, значительное внимание уделялось классификации внутринациональных групп различного происхождения и характера. Отмечая особую роль этнографической группы в этнической истории любого народа, докладчик подчеркивал необходимость дифференцированного употребления терминов «этническая» и «этнографическая» группа.

С. А. Арутюнов (Москва) и Ю. И. Мкртумян (Ереван) посвятили свой доклад проблемам изучения культуры жизнеобеспечения (на материалах исследований в Армянской ССР), рассматриваемой ими в качестве одной из сфер культуры этноса. Культура жизнеобеспечения (КЖ), отмечалось в докладе, состоит из ряда жизнеобеспечивающих систем — «жилищно-поселенческого комплекса (ЖПК), комплекса питания (КП), комплекса одежды (КО), в качестве первичных систем, и таких комплексов, как утварь, мебелировка, народная медицина, носящих вторичный, дополнительный характер по отношению к первым». По мнению авторов доклада, анализ КЖ отличается от традиционного анализа материальной культуры не только частностями охвата, но прежде всего тем, что при изучении систем, направленных на поддержание нормальной жизнедеятельности, основное внимание уделяется отражению в них функций других сфер культуры, прежде всего соционормативной (престижная, ритуальная функции), а также познавательной (эстетическая функция) и производственной. Данная методика, апробированная авторами в сотрудничестве с культурологами Института философии АН АрмССР при анализе армянской сельской культуры в прошлом и настоящем, позволила выявить ряд закономерностей трансформации бытовой культуры села в процессе социалистического строительства.

Обсуждение актуальных проблем этнографии и смежных дисциплин было продолжено на заседаниях шести проблемных секций.

На четырех заседаниях секции «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР» были заслушаны и обсуждены 29 докладов, три из них на совместном заседании с секцией «Семейный и общественный быт».

Доклад Т. А. Жданко (Москва) «Некоторые аспекты изучения традиций и инноваций в сфере быта сельской семьи народов Средней Азии» содержал конкретные рекомендации исследователям, имеющие важное методическое значение. Так, Т. А. Жданко указала на необходимость учета особенностей формы семьи, анализа ее

роли в воспитании подрастающего поколения (семья является «трансформатором» этнокультурных традиций), а также на важность изучения народных традиций воспитания.

И. С. Гурвич (Москва) охарактеризовал особенности этнического развития коренных народов Сибири и определил круг вопросов, требующих дальнейшего исследования.

В некоторых докладах рассматривались отдельные стороны этнических процессов, протекающих в районах со смешанным составом населения. Так, процессы консолидации освещались в докладах Э. А. Керимова (Баку) «К вопросу об этническом самосознании у населения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР» и М. В. Мурзабулатова (Уфа) — «Некоторые вопросы этнодемографических процессов в Башкирской АССР»; процессы межэтнического сближения — в докладах Г. Н. Джавахишвили (Тбилиси) «Итоги полевых этнографических исследований 1978—1979 гг. по изучению современных этнических процессов в Грузии» и А. Джикиева (Ашхабад) — «Современные этнические процессы в Серахском районе Туркменской ССР».

М. Н. Губогло (Москва) рассмотрел современные тенденции в языковых процессах (по материалам переписи 1979 г.); А. А. Абдулфанова (Уфа) — башкирско-русское двуязычие в сельских школах Башкирии.

В. И. Наулко (Киев) дал сравнительно-этнографическую характеристику польского населения УССР.

Доклад Л. М. Дробижевой (Москва) был посвящен выяснению связей национально-культурных ориентаций инонациональных групп в республиках с межнациональными отношениями. Анализ материала, собранного в ходе этносоциологических исследований в Грузии и Молдавии, показал, что «разная степень включенности в культуру этнического большинства той или иной группы не связана жестко с отношением ее к межнациональному общению».

С. М. Мирхасилов (Ташкент) охарактеризовал некоторые тенденции в изменении культурного облика сельского населения Узбекистана; Р. Я. Рассудова (Ленинград) — современные культурно-бытовые процессы у узбеков (по материалам Ферганского и Ташкентского регионов). О современной культуре коренных народов восточной зоны БАМа рассказал Ч. М. Таксами (Ленинград).

В докладе Н. Н. Кучерявенко (Казань) анализировалась общественная активность сельских жителей, как проявление социалистического образа жизни. Основной для доклада послужили полевые материалы, собранные в автономных республиках Среднего Поволжья. В докладе З. З. Мухиной (Темиртау) говорилось о трудовой активности женщины-татарки (по материалам анкетных обследований). Доклад А. Б. Дзадзиева (Орджоникидзе) был посвящен анализу структуры свободного времени осетинского сельского населения в условиях развитого социалистического общества.

В докладе Л. Г. Гафт и Е. Д. Игитханян (Москва) «Некоторые особенности воспроизводства советской интеллигенции (на материалах республик Прибалтики)» освещались региональные особенности формирования советской интеллигенции.

Г. В. Старовойтова (Ленинград) рассмотрела этнические особенности демографического поведения представителей татарской этнодисперсной группы в Ленинграде.

Процессам интернационализации в сфере материальной культуры были посвящены доклады Б. Алымбаевой (Фрунзе) — о жилище киргизов, В. И. Куликаускаене (Вильнюс) — об интерьере жилищ литовских колхозников, Н. И. Шатиновой (Горно-Алтайск) — о материальной культуре алтайцев, П. М. Мезина (Саранск) — о материальной культуре мордвы.

На секции были представлены доклады, отразившие различные аспекты изучения современной семьи. А. П. Пономарев (Киев) охарактеризовал роль семьи в этнокультурных процессах (на материалах Украинской ССР). В докладе К. И. Козловой (Москва) «Современная сельская семья верхневолжских карел» выявлялось влияние урбанизации на структуру, быт и функции семьи. А. Е. Тер-Саркисянц (Москва) остановилась на структуре, брачном круге и современных семейных обрядах нахичеванских армян.

В докладе В. Калитс (Тарту) рассказывалось о новой традиции, возникшей в Эстонии в 1962 г., — празднике «весенние дни детей», приуроченном ко дню защиты детей. Это праздник тех, кто осенью пойдет в школу.

Обсуждения докладов проходили очень оживленно. Докладчикам было задано 50 вопросов. Для большинства докладов характерно было сочетание анализа конкретного материала с теоретическими обобщениями.

16 мая состоялось объединенное заседание секций «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР» и «Семейный и общественный быт», на которое были вынесены 3 доклада по этнографическому изучению города, обсуждение «Программы этнографического изучения города» и программы по изучению семьи, розданной участникам Всесоюзной этнографической школы-семинара, проходившего осенью 1979 г. в Звенигороде.

О. Р. Будина (Москва) охарактеризовала роль традиционной культуры в развитии материального быта современного городского населения (по материалам русского города Центрального района РСФСР). М. Н. Шмелева (Москва) рассмот-

рела семейно-бытовые традиции и хозяйственную деятельность современного русского городского населения. К. В. Сехбосян (Ереван) остановился на некоторых особенностях проявления традиционности в культуре населения города и промышленного поселка (по этнографическим материалам Армянской ССР).

В ходе обсуждения докладов и программ выступили 9 человек (Л. М. Дробичева, С. Х. Мафедзев — Нальчик, С. М. Мирхасилов, М. Г. Рабинович, К. В. Сехбосян, Е. Н. Студенецкая — Ленинград, Л. Н. Терентьева, М. Н. Шмелева, С. Я. Цимерманис — Рига).

Значительное внимание в выступлениях было уделено обсуждению теоретико-методологических понятий, таких как межэтническая интеграция, соотношение понятий аккультурация, ассимиляция, этнокультурные взаимодействия, а также понятий и терминологии, касающихся изучения проблем семьи. Поднимался также вопрос о более активном участии этнографов в разработке новых праздничных обрядов.

На четырех заседаниях секции «Этногенез и этническая история» были заслушаны и обсуждены 25 докладов. Основное внимание в них было уделено вопросам этногенеза и этнической истории народов Поволжья и в первую очередь башкир. Большинство докладчиков пытались комплексно подойти к решению поднимаемых проблем, привлекая данные смежных наук.

Несомненный интерес представляли доклады, основанные на лингвистических материалах. Э. А. Рикман (Москва) в качестве источника для изучения этнических связей молдаван использовал антропонимы села Табаны Бричанского района МССР. В. П. Кобычев (Москва) проанализировал финно-угорские и древнетюркские гидронимы и топонимы Кавказа и высказал предположение о возможности пребывания там в отдаленном прошлом урало-алтайцев. А. А. Камалов (Уфа) предпринял попытку уточнить «Кыпчакский этнический ареал» в топонимии Башкирии. С. Г. Гильманова (Уфа) рассмотрела термины родства северо-западных башкир как источник для изучения этнических процессов. У. Ф. Надергулов (Уфа) с помощью этнолингвистического анализа названий родо-племенных подразделений (*ара*) определил отдельные этнические компоненты иргизо-камеликских башкир.

Р. Х. Халикова (Уфа) привлекла внимание этнографов к актовым памятникам башкир XVIII—XIX вв., в материалах которых встречается много этнонимов, в частности башкирских родо-племенных названий.

В докладе В. И. Васильева (Москва) «К вопросу об участии самодийского этнического компонента в этногенезе башкир» обращалось внимание на необходимость использования максимально широкого круга источников при работе над этногенетической проблематикой. Высказанная им гипотеза о пребывании самодийских этнических групп на территории Приуралья в VI — первой половине IX в. была подкреплена лингвистическими, фольклорными, археологическими и др. материалами. На столь же обширном и разнообразном материале был основан и доклад Н. А. Томилова (Омск) «Проблемы формирования тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины».

А. В. Гадло (Ленинград) сообщил о новых материалах к этнической истории северокавказской степи, выявленных в 1979 г. археолого-этнографической экспедицией кафедры этнографии и антропологии ЛГУ в восточной части Ставропольской возвышенности.

Значительное внимание в докладах уделялось вопросам этнокультурных и языковых связей народов разных регионов в различные периоды их исторического развития. В докладе А. Х. Магометова (Орджоникидзе) рассматривались этнические и культурно-исторические связи иранских племен (скифо-сарматов и алан) с народами Волго-Камья и Приуралья. И. В. Власова (Москва) остановилась на некоторых вопросах этнической истории и этнокультурных контактов русских и коми. Башкиро-узбекские этнокультурные связи рассматривались К. Ш. Шаниязовым (Ташкент), чувашско-башкирские — В. Ф. Каховским (Чебоксары). Доклад Ф. Г. Хисаметдиновой (Уфа) был посвящен анализу этнических и языковых связей башкир с восточными и центральноазиатскими тюрками, доклад С. Ф. Миржановой (Уфа) — этноязыковым взаимосвязям северо-западных башкир с финно-угорскими народами.

У. Х. Рахматуллин (Уфа) охарактеризовал социально-экономические факторы этнодемографических процессов у башкир в XVII—XVIII вв., а Д. М. Исхаков (Казань) — особенности этнического взаимодействия татар и башкир в XVIII—XIX вв.

Специальное заседание было посвящено проблемам антропогенеза. Особый интерес вызвал обобщающий доклад В. А. Спицина (Москва) «Этногенетические процессы в Северной Азии. Об „американоидном“ типе в Сибири», в котором была показана взаимосвязь отдельных групп этносов в антропологическом аспекте. Обобщающий характер имел и доклад В. Д. Дяченко (Киев) «К гематологической типологии (система ABO и Rh) восточноевропейских народов (сборы 1976—1979 гг.)». В докладе Н. Н. Цветковой (Ленинград) сообщались новые материалы к этнической истории мордвы, подтверждающие положение об участии в сложении мордвы трех компонентов: двух европейского и субуральского ослабленного монголоидного, преобладающего у мокши. Доклад Т. К. Ходжайова (Самарканд) был посвящен краниологии узбеков с родовыми делениями (кенегесы и муйтены).

Широкий круг вопросов рассматривался в докладах уфимских ученых Х. С. Рафикова, Н. Х. Юмагужиной, Р. Г. Кузеева («Генетика популяции башкир в связи с вопросами этногенеза»), Р. М. Юсупова («Антропологическая характеристика башкир по данным краниологии»), Н. Х. Юмагужиной, Х. С. Рафикова («Генетическая реконструкция древнебашкирского пласта»), свидетельствовавших о высоком уровне антропологических исследований, ведущихся в Башкирии.

Из общей проблематики секции выпадал доклад Н. В. Юхневой (Ленинград) «К итогам этнографического изучения формирования населения Петербурга (период капитализма)», представлявший несомненный интерес для тех, кто занимается этнографическим изучением города.

Работа секции, в которой участвовали антропологи, археологи, демографы, лингвисты, этнографы, была признана успешной. При подведении ее итогов высказывалось мнение о целесообразности дальнейшего расширения и укрепления связей между специалистами разного профиля, занимающимися проблемами этногенеза и этнической истории.

На трех заседаниях секции «Проблемы этнографической типологии культуры. Взаимодействие культур народов СССР» были заслушаны и обсуждены 16 докладов. Подавляющее большинство их (11) было посвящено различным аспектам типологии культуры.

Общие теоретические вопросы изучения материальной культуры и методики типологических исследований рассматривались в двух докладах: Д. С. Вардумян (Ереван) рассказал о системно-структурном и сравнительно-историческом анализе материальной культуры населения Армянского нагорья, а Я. В. Чеснов (Москва) — об опыте и перспективах этнографической типологизации жилища.

В семи докладах освещалась типология материальной культуры, главным образом жилища (5 докладов). Б.-Р. Логашова (Москва) поделилась опытом сравнительного анализа типологии переносного жилища (юрты, чаппари и шатер) кочевых и полукочевых народов Передней Азии. Г. П. Васильева (Москва) остановилась на вопросах типологической классификации юрты народов Средней Азии, Б. Х. Кармышева (Москва) — на функциях юрты в современном быту узбеков. С. Н. Шитова (Уфа) рассмотрела разновидности внутренней планировки башкирских аульных жилищ, Ю. Г. Мухаметшин (Казань) — некоторые особенности развития жилища татар, проживающих в Башкирии и на сопредельных территориях.

Доклад Л. Н. Чижиковой (Москва) был посвящен типам традиционной женской одежды, их развитию и судьбам в настоящее время на территории Белгородской области; доклад Р. В. Меркене (Вильнюс) — типологии и ареалам животноводческого инвентаря в Литве.

Доклады по типологии материальной культуры сопровождались демонстрацией типологических таблиц, карт и слайдов.

К этой группе докладов примыкал и вызвавший большой интерес доклад Н. П. Лобачевой (Москва) «Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на материалах хорезмских узбеков)», познакомивший присутствующих с разработанными докладчицей типологией и картографированием свадебной обрядности.

Проблема этнографического районирования на примере Украины и украинцев рассматривалась в докладе В. Ф. Горленко (Киев), акцентировавшего внимание на необходимости разработки теории этнографического районирования, унификации связанной с ним терминологии, уточнения иерархии терминов, чтобы исключить разнобой в их употреблении.

Проблеме взаимодействия культур народов СССР были посвящены два доклада. Т. И. Ведерникова (Москва) проанализировала культурно-бытовые контакты русского, мордовского, татарского и чувашского населения в степном Заволжье (Куйбышевская область); А. С. Лузгин (Саранск) — некоторые особенности традиционной материальной культуры русского населения Мордовии (по материалам экспедиций 1974—1979 гг.), обусловленные влиянием мордовской и татарской этнических традиций.

На материалах полевых исследований были основаны два доклада о народных ремеслах. А. Т. Нестер (Львов) сообщила новые сведения о народном ткачестве украинцев Полесья, А. С. Давыдов (Душанбе) рассказал о традиционном чугунолитейном производстве таджиков.

С живым интересом был встречен доклад преподавателя З. В. Хисматуллиной (Уфа) об этнографическом музее в школе-интернате № 1 Уфы, открытом в канун 60-летия Великого Октября.

Докладчикам было задано много вопросов. Выступавшие отмечали высокий научный уровень большинства докладов и подчеркнули своевременность и важность обсуждения проблем, связанных с разработкой этнографической типологии культуры.

На трех заседаниях секции «Семейный и общественный быт» был заслушан 21 доклад.

Особый интерес и оживленную дискуссию вызвали вопросы, связанные с типологией семьи, изучением ее форм, соотношением их в различные исторические периоды, а также с терминологией, применяемой для обозначения семейной общины, основных (большая и малая) и промежуточных форм семьи.

В докладе Я. С. Смирновой (Москва) «Большая и малая семья у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в.» была предпринята попытка уточнить суще-

ствующую типологию форм семьи. Проанализировав этнографические и статистические данные, докладчица пришла к выводу о необходимости «выделения особого типа (или типов) семьи, генетически и функционально воплощающего переход от большесемейной к малосемейной организации». А. З. Асфандияров (Уфа) рассмотрел формы семьи у башкир в конце XIX в. М. А. Хамиджанова (Душанбе) сообщила о бытовании большой семьи в верховьях Зеравшана (Ягноб, Матча) и трансформации этого древнего института в современных условиях. В. М. Шамиладзе (Батуми) на примере горцев Грузии, занимающихся горным скотоводством, показал зависимость семейного и общественного быта от традиционных форм ведения хозяйства. В докладе С. С. Агашириновой (Махачкала) «Субстратные термины родства лезгин» обосновывалось существование у лезгин в прошлом родственной группы, более широкой чем патронимия.

В. Я. Бабенко (Уфа) охарактеризовала формы и структуру семьи, а также внутрисемейные отношения украинских переселенцев в Башкирии в конце XIX — начале XX в. Доклад К. Басаевой (Улан-Удэ) был посвящен численности и структуре современной бурятской семьи.

Н. В. Бикбулатов (Уфа) на примере кочевых тюркских народов попытался выявить историческую взаимосвязь брачных норм и принципов наследования с типами семьи. По мнению докладчика, левират, которому у кочевых тюрок обычно сопутствуют пережитки группового брака, родо-общинной собственности и демократии, является атрибутом родового общества. Майорат, — считает он, — характерен для раннего периода формирования семьи, минорат же всецело связан с ее укреплением.

В докладе В. Д. Шарова (Йошкар-Ола) сообщались новые материалы по обычному праву марийцев середины XIX — начала XX в.

А. М. Решетов (Ленинград) охарактеризовал некоторые традиционные социальные институты у советских уйгуров и дунган.

Семь докладов были посвящены различным видам традиционной и современной обрядности.

М. А. Меретуков (Майкоп) рассказал о брачных ограничениях у адыгов, связанных с различными видами родства. О древнем обряде адыгов «подвизывание копченого сыра», исполняющемся по случаю рождения ребенка, и его современном бытовании сообщалось в докладе С. Х. Мафедзева (Нальчик).

Традиции и инновации в современной обрядности прослеживались в докладах Г. А. Гулиева (Баку) — о сельских свадебных обрядах азербайджанцев, Л. З. Куннижевой (Черкесск) — об абазинской свадьбе, С. С. Курогло (Кишинев) — о преобразованиях в семейной обрядности гагаузов, а также в докладе Л. С. Христовой (Ижевск) — «Система обрядности в Удмуртии».

Широкий круг вопросов, касающихся современных народных праздников и обрядов Грузии и методов их изучения, был освещен в докладе Г. Джалабадзе и М. Хуцишвили (Тбилиси).

Таллинские этнографы рассказали о новых формах общественной жизни эстонских крестьян в конце XIX — начале XX в. (Э. Кару) и о развлечениях сельской молодежи в начале и середине XX в. (К. Торп).

На секции были заслушаны также доклад З. Д. Гаглоевой (Цхинвали) «Василий Абаев об общественных отношениях у осетин», приуроченный к 80-летию ученого, и доклад В. З. Гумарова (Уфа) о гигиене питания башкирской семьи в конце XIX — начале XX в.

При обсуждении докладов отмечался высокий научный уровень большинства их, а также стремление докладчиков акцентировать внимание на трансформации традиционных общественных институтов и современном их бытовании.

При подведении итогов работы был высказан ряд пожеланий научного и организационного плана. Было признано целесообразным: а) провести семинар по вопросам методологии изучения семьи, семейного и общественного быта; б) уделять больше внимания разработке идентичной для этнографов всех регионов терминологии, применяемой для обозначения отдельных этнографических понятий и явлений, в частности, семейного и общественного быта; в) предусматривать при составлении программ отчетно-экспедиционных сессий отведение специального времени для обмена мнениями ученых, работающих в разных секциях.

На трех заседаниях секции «Религиозные верования в прошлом и их преодоление в современной жизни» были заслушаны и обсуждены 14 докладов по широкому кругу проблем, связанных, главным образом, с изучением традиционных верований и обрядов.

Работа секции открылась докладом И. М. Джаббаров (Ташкент) «В. И. Ленин и проблемы секуляризации в условиях некапиталистического развития», в котором раскрывалось значение философского наследия В. И. Ленина для понимания особенностей секуляризации в советский период у народов Средней Азии.

Разработке теоретических проблем были посвящены также доклады П. В. Денисова (Чебоксары), рассмотревшего на примере анализа древнетюркских элементов в религиозных верованиях чувашей вопросы методики исследования этнической специфики явлений традиционной духовной культуры, и В. М. Кулемзина (Томск), охарактеризовавшего некоторые особенности мышления хантов, отражавшие, по его мнению, очень глубокую древность, а потому представляющие интерес не только для этнографии, но и для других отраслей наук.

Значительное внимание в работе секции было уделено обсуждению проблем современного состояния религии и пережитков религиозных и патриархальных обычаев. В докладе Г. А. Носовой (Москва) анализировались причины, способствующие сохранению обряда крещения. Докладчица считает, что главным и решающим фактором участия населения в обряде крещения является сила семейно-бытовых традиций, отождествление этого религиозного обряда с национальной традицией. О влиянии семейно-бытовых традиций и ложно понимаемой престижности на сохранение пережитков религиозных и патриархальных обычаев говорилось и в докладе Г. Х. Мамбетова (Нальчик) «Некоторые пережитки в семейно-бытовых отношениях кабардинцев и балкарцев и пути их преодоления». Т. Дж. Баялиева (Фрунзе) охарактеризовала особенности современного бытования религиозных представлений и процессы их изживания у киргизов.

Ряд докладов был посвящен этнографическому изучению традиционных верований у народов СССР. Х. Есбергенов (Нукус) рассмотрел реликты культа лягушки у каракалпачков, прослеживавшиеся еще в конце XIX — начале XX в. в их легендах, поверьях, приметах, а также в орнаменте вышивок женской одежды и в форме ювелирных украшений. Р. Х. Керейтов (Черкесск) рассказал о пережитках обрядов вызывания дождя у ногайцев, Г. В. Смыр (Сухуми) — о культе растений у абхазов, Е. К. Аджинджал (Сухуми) — о божестве Аресааи — покровителе войны и военного дела у абхазов. Доклад В. Н. Баилова (Москва) «„Желтая дева“ в верованиях узбеков Зеравшанской долины» был посвящен анализу представлений о связи демона албасты с получением шаманского дара. По мнению докладчика, его материалы служат новым свидетельством сложности и неоднородности шаманского пантеонизма, складывавшегося в течение долгого периода и вобравшего в себя образы, возникшие в глубокой древности. Представление о полезной для человека связи с желтой девой подкрепляет предположение, что албасты первоначально была добрым божеством и ее функция злобного демона — вторичное, сравнительно позднее явление.

В докладе З. В. Харатяна (Ереван) «Культово-функциональная структура армянского свадебного ритуала конца XIX — начала XX в.» рассматривался сложный комплекс религиозно-магических действий, в которых докладчик выделил три основных культовых мотива. Один из них — обеспечение потомства — он связывает с культом плодородия; второй — избегание и обезвреживание злых сил — с демонологическими представлениями; третий — приобщение невесты к семейному культу жениха — с культурами домашнего очага и семейно-родовых предков. Поэтому ему представляется неверным считать обряд в целом пережитком той или иной конкретной формы религии. Спорной представляется ему и правомерность употребления термина «религиозно-магический обряд».

Дж. Рухадзе (Тбилиси) рассказала о древнем грузинском народном карнавальном празднике «Берикаоба-кееноба» и использовании его традиций в современных народных праздниках.

А. Ээсмаа (Таллин) рассмотрела классификацию болезней, принятую в эстонской народной медицине, уделив особое внимание связям между народной медициной и верованиями.

По ряду докладов развернулись оживленные дискуссии. В выступлениях особое внимание обращалось на то, что выводы, сделанные докладчиками в результате исследования конкретного материала, имеют значение и для изучения однотипных явлений у многих других народов.

На четырех заседаниях секции «Фольклор. Народная музыка и танцы. Прикладное искусство» было заслушано 29 докладов: 15 — по словесному фольклору, 4 — по музыкальному, 6 — по этнохореографии и 4 — по прикладному искусству. Основная проблематика докладов — современное состояние различных видов народного творчества. В работе секции активно участвовали башкирские фольклористы-словесники, этномузыковеды и этнохореографы (12 докладов из 29 были сделаны учеными Уфы).

Заседание открылось докладом В. П. Кругляшовой (Свердловск), в котором было охарактеризовано современное состояние русской сказочной прозы на примере анализа устных народных рассказов о В. И. Ленине, собранных в 1970-е годы на Урале. Аналогичная проблема, только на башкирском материале, рассматривалась в докладах А. М. Сулейманова (Уфа) — «Современная сказочная проза северо-восточных башкир» и Б. Г. Ахметшина (Уфа) — «Предания деревни Ильчино Учалинского района БАССР». Доклад Т. Г. Леоновой (Омск) был посвящен современному состоянию фольклора в его региональном проявлении (по материалам Омской области). В докладе М. Э. Хийемяэ (Тарту) рассматривались изменения в тематике эстонских сказок. Г. Г. Шаповалова (Ленинград) остановилась на проблемах методики собирания обрядовой поэзии и записи обрядов. Современное же состояние их освещалось в докладах Т. С. Макашиной (Москва) — «Устно-поэтический репертуар современной деревни (на примере свадебной поэзии и обряда Пермской области)» и К. П. Кабашикова (Минск) — «Календарная обрядность на Гомельщине». Доклад Л. И. Брянцевой (Уфа) был посвящен русской балладной традиции Архангельского района БАССР.

Одна из актуальнейших проблем современной фольклористики — классификация фольклорных жанров — рассматривалась в докладах А. М. Назиняна (Ереван) — об армянской кумулятивной сказке (по старым и новым записям) и Ф. А. Надршиной (Уфа) — о жанрах башкирской сказочной прозы.

В докладах С. С. Парсамова (Уфа) «Идеологическая структура башкирского эпоса „Урал-батыр“» и Д. Ж. Валеева (Уфа) «Народный эпос о происхождении нравственности» освещались особенности башкирского эпоса, причем по некоторым вопросам докладчики полемизировали друг с другом.

О фольклорных материалах, собранных в 1977 г. экспедицией Института истории, языка и литературы БФ АН СССР среди башкир, живущих около ста лет в инонациональном окружении в Якутии, рассказывалось в докладе М. М. Сагитова (Уфа). По свидетельству докладчика, в результате тесного общения с якутами и русскими башкиры в Якутии стали в основном трехязычными. Среди них, отмечалось в докладе, встречаются лица, владеющие традициями башкирского, якутского и русского фольклора.

Большой интерес у присутствующих вызвал доклад одного из старейших советских фольклористов [Э. В. Померанцевой] (Москва), посвященный собиранию и изучению фольклора в Башкирии, одним из пионеров которого была сама докладчица. Охарактеризовав работу по изучению русского фольклора Башкирии за последние 40 лет, Э. В. Померанцева подчеркнула, что в 60—70-е гг. в республике произошел не только количественный, но и качественный рост ее.

Широкий круг вопросов рассматривался в докладах уфимских этномузыковедов Л. П. Атановой («Обрядовые напевы у башкир»), Ф. К. Камаева («О взаимодействии эпических жанров в современном башкирском песенном фольклоре»), Р. С. Сулейманова («Музыкальный фольклор северо-восточных и зауральских башкир») и Э. М. Давыдовой («Народно-песенные традиции в башкирской опере»). Как и фольклористы-словесники они продемонстрировали высокое профессиональное мастерство.

Значительным разнообразием отличалась тематика докладов по этнохореографии, базировавшихся на полевых материалах, собранных докладчиками. М. Я. Жорницкая (Москва) рассказала о результатах экспедиционных исследований по изучению хореографического искусства коренного населения северо-востока Сибири. К. М. Бикубулатов (Москва) рассмотрел нардуганский цикл традиционных танцев крещеных татар, а Э. Х. Петросян (Ереван) — театральные зрелищные представления у уйгуров. Л. И. Нагаева (Уфа) проанализировала отражение культа птиц (образы кукушки и лебедя — матери-птицы) в башкирской народной хореографии. Доклад А. С. Фомина (Новосибирск) был посвящен народному танцу Ирака. Ж. К. Хачатрян (Ереван) охарактеризовала основные принципы системы записи движения, разработанной С. С. Лисициан.

Большой интерес вызвали и доклады по народному искусству, в которых также был затронут широкий круг вопросов.

В докладе А. Ю. Заднепровской (Ленинград) «Некоторые функции украшений народов Среднего Поволжья (по материалам ГМЭ народов СССР)» рассматривались возможности использования съемных украшений конца XIX — начала XX в. в качестве исторического источника. Проанализировав этнодифференцирующую, социально-знаковую и магическую функции этих украшений, А. Ю. Заднепровская убедительно показала, что «они действительно являются самостоятельным, полноценным историческим источником и дают материал для культурно-территориального районирования, для изучения пережитков разделения населения на половозрастные группы, а также для анализа дохристианских верований этих народов».

В докладах Ф. Ф. Гуловой (Казань) о вышивке татар-кряшен (на материале женских традиционных головных уборов), Ф. М. Зыкова (Якутск) — об эволюции ювелирных украшений якутов и Е. А. Постолаки (Кишинев) — о развитии современного ковроткачества в Молдавии основное внимание уделялось художественным особенностям народного прикладного искусства и техническим приемам, используемым народными мастерами.

На этот раз, в отличие от двух предыдущих отчетно-экспедиционных сессий (Душанбе — 1976 г. и Ереван — 1978 г.), доклады по различным видам народного искусства были объединены в одной секции, что, несомненно, способствовало достижению большего взаимопонимания и установлению более тесных контактов исследователями, работающими в смежных областях. Поэтому было признано целесообразным и в будущем отказаться от принятого ранее деления секции на предметные подсекции. В ходе обсуждения работы секции поднимался вопрос о создании координационного центра по исследованию народного искусства. Особое внимание было обращено на необходимость организации комплексных экспедиций по изучению народного искусства, в состав которых должны входить этнографы, фольклористы-словесники и музыковеды, этнохореографы и искусствоведы, а также на активизацию работы по видеозаписи разных видов народного искусства.

Одна из важнейших задач Всесоюзных сессий по итогам полевых этнографических и антропологических исследований — координация работы ученых в масштабе всей страны — предполагает возможно более полную взаимную информацию о проделанной работе, а также широкое обсуждение проблем, выдвигаемых временем и развитием науки. К сожалению, в этот раз, как и на предыдущих сессиях, в работе секций ощущался дефицит времени, что мешало развернуться широким дискуссиям. Выступая на заключительном пленарном заседании, все кураторы (Л. М. Дробижеева, И. С. Гурвич, Т. А. Жданко, Я. С. Смирнова, В. Н. Басилов, В. К. Соколова) предлагали изменить сложившуюся практику работы секций и

перенести центр тяжести с чтения докладов на их обсуждение и дискуссии, потребность в которых возрастает с каждым годом.

Подводя итоги работы сессии, Ю. В. Бромлей отметил, что она продемонстрировала усиление внимания к вопросам теории, стремление сочетать решение теоретических вопросов с конкретными исследованиями. Повышение интереса к проблемам теории, — сказал он, — делает особенно актуальным устранение разнобоя и путаницы в употреблении терминов, разработку единой терминологии. Отметив закономерность появления новых научных терминов, Ю. В. Бромлей предостерег от излишнего увлечения словотворчеством, напомнив, что новый термин всегда должен отражать новое понятие. Анализируя конкретные этнографические исследования, он призвал к расширению их диапазона за счет более активного изучения новых предметных областей (этнопедагогика, этноботаника, народный спорт и т. п.). Остановившись на характеристике основных направлений этнографических исследований в СССР, Ю. В. Бромлей подчеркнул необходимость дальнейшей разработки таких проблем как современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР, этнографическая типология культур, а также этногенез и этническая история.

Во время работы сессии состоялся просмотр этнографических и фольклорно-этнографических фильмов, снятых в Башкирии, Грузии и в Европейской части РСФСР. Довольно обширной была культурная программа сессии. Ее участники побывали на концерте профессиональных и самодеятельных артистов, познакомивших их с башкирскими народными песнями, танцами и музыкой, а также в Башкирском государственном театре оперы и балета, где посмотрели национальный балет «Журавлиная песнь» (муз. Л. Степанова, либретто Ф. Гаскарова). Для них были организованы экскурсии на Уфимское производственное объединение «Агидель», выпускающее сувениры, в этнографический музей школы-интерната № 1 Уфы, а также самодеятельный этнографический музей, организованный в сел. Юматово.

Хочется отметить хорошую организацию сессии и поблагодарить Оргкомитет, руководство БФ АН СССР, Башкирский обком КПСС и Совет Министров республики за создание прекрасных условий для плодотворной работы и знакомства с самобытной культурой башкирского народа.

Н. С. Полищук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(научно-практическая конференция в Москве)

В апреле 1980 г. в г. Москве состоялась научно-практическая конференция по теме «Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений в современных условиях». Она была организована и проведена Научным советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР совместно с Московским городским советом семинаров при МГК КПСС, Ленинским и Черемушкинским райкомами КПСС, а также Институтами этнографии и философии АН СССР, и посвящена 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. В ее работе приняли участие партийные работники, руководители и слушатели методологических и теоретических семинаров Дома политического просвещения МК и МГК КПСС, советов методологических семинаров при Ленинском и Черемушкинском РК КПСС Москвы, ученые — сотрудники институтов этнографии, истории СССР, всеобщей истории, философии, языкознания АН СССР, МГУ, Института марксизма-ленинизма и Академии общественных наук при ЦК КПСС и других научно-исследовательских и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Баку, Бухары, Тарту и некоторых других городов, сотрудники редакций журналов «Научный коммунизм», «История СССР», «Советская этнография», представители Советской социологической ассоциации и Философского общества СССР.

Перед началом конференции председатель Научного совета по национальным проблемам, руководитель методологического семинара Института этнографии АН СССР акад. Ю. В. Бромлей охарактеризовал огромный вклад В. И. Ленина в разработку теории и в практику решения национального вопроса в нашей стране, в обоснование и проведение интернационалистской политики КПСС, а также показал непреходящее значение ленинизма для коренной перестройки национальных отношений на принципах дружбы народов и пролетарского интернационализма.

В докладе «Ленинизм и национальные процессы в современном мире» Ю. В. Бромлей подчеркнул чрезвычайно пестроту национально-политической структуры современного человечества, проанализировал основные тенденции и закономерности ее развития. Докладчик остановился на особенностях национальных отношений в развивающихся странах и странах развитого капитализма. Особый интерес, отметил докладчик,